

ский государственный университет и начал чтение лекций, студентов насторожила академичность, суховатость нового профессора. Однако за этим стоял особый метод преподавания — обучение самостоятельной работе над источниками и, как следствие этого, воспитание самостоятельной позиции в науке. Развитию этого качества в студентах способствовала позиция в науке самого ученого, уважавшего разные точки зрения, но умевшего тактично и настойчиво отстаивать свою концепцию. Спецификой этнографии Д. К. Зеленин считал ретроспективный метод, который он применял во всех своих работах. Д. К. Зеленин был человеком, беззаветно преданным науке, посвятившим ей всю жизнь.

Н. В. Новиков (Ленинград) в докладе «Д. К. Зеленин — фольклорист» осветил деятельность Д. К. Зеленина в области русского народно-поэтического творчества. В 1901—1916 гг. Д. К. Зеленин собирает, издает и изучает частушки, присказки и сказки. Как талантливый исследователь этих жанров он прочно вошел в историю нашей науки. В дальнейшем, сосредоточив свои интересы главным образом на разработке этнографических проблем, ученый по-прежнему широко обращается к фольклору как к одному из важных источников изучения жизни.

Е. П. Луппова (Ленинград) рассказала об изучении Д. К. Зелениным Вятского края, где он родился и жил до поступления в Юрьевский университет. В 1901—1910 гг. ученый совершил ряд поездок по Вятскому краю с целью изучения говоров, фольклора и этнографии. Он постоянно поддерживал связь с местными организациями, печатался в местных изданиях. Материалы, собранные Д. К. Зелениным в Вятском крае, впоследствии были использованы им во многих работах.

Доклад А. И. Тарасовой (Васиной) (Москва) был посвящен неопубликованной переписке Д. К. Зеленина с А. А. Шахматовым и ставил своей задачей привлечь внимание специалистов к до сих пор не использованному источнику. Переписка насчитывает около 80 писем (в основном принадлежащих Д. К. Зеленину) за 1903—1920 гг. и содержит как биографические данные, так и сведения научного характера (она отражает эволюцию научных взглядов Д. К. Зеленина, творческую историю многих его работ и т. п.).

С краткими воспоминаниями о Д. К. Зеленине выступили Е. П. Луппова, Е. П. Орлова, О. В. Бунакова.

Р. В. Каменецкая

VI КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРА

16—21 июня 1974 года в Хельсинки (Финляндия) состоялся очередной Конгресс Международного общества исследователей фольклора («International society of folkloric research») ¹. В конгрессе принимали участие 217 ученых из 36 стран и 4 континентов, и он стал, таким образом, одним из наиболее представительных конгрессов в истории фольклористики. Среди участников были многие известные фольклористы.

Советский Союз представляли У. Б. Далгат (Ин-т мировой литературы АН СССР), М. Я. Чиковани (Ин-т литературы АН Грузинской ССР), В. К. Соколова и К. В. Чистов (Ин-т этнографии АН СССР). От стран социалистического содружества на конгрессе присутствовали известные фольклористы В. Фойт, Т. Дёмётер (ВНР), Г. Бурде-Шнейдевинд (ГДР), Д. Симонидес (ПНР), М. Бошкович-Стулли, М. Матичетов, Т. Чубелин (СФРЮ) и др.

Делегатами конгресса были также К. Хайдинг (Австралия), Н. Салем (АРЕ), Г. Мерас (Греция), Ц. Софер (Израиль), В. Амимбола, А. Балабола (Нигерия), А. Луи (Тунис), А. Дандис, Р. Дорсон, У. Хэнд, Д. Уорд, Ф. Ойнас (США), М. Кууси, Л. Хонко, Ю. Пентикяйнен, В. Каукконен (Финляндия), П. Боратав (Франция), К. Ранке, Л. Рерих, Р. Бредних, Р. Шенда, Л. Петцольд (ФРГ), М. Люти, Р. Вильдхабер (Швейцария), Т. Озава (Япония).

На V Конгрессе Общества в Бухаресте в 1969 г. было решено провести следующий конгресс в 1974 г. в Дели (Индия). Однако война между Индией и Пакистаном вынудила искать иные возможности. По предложению фольклористов Финляндии им было

¹ О предыдущих конгрессах см.: Е. М. Мелетинский и Э. В. Померанцева, V конгресс по изучению устной прозы в Бухаресте, «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 163—164. ISFNR следует переводить на русский язык как «Международное общество исследователей фольклора», а не «Общество исследователей повествовательного фольклора» или «Общество изучения устной прозы», как это иногда делается, так как слово «narrative» введено в официальное название Общества по двум причинам: 1) «folklore» понимается в большинстве стран довольно широко (народная музыка, хореография, искусство, обряды, народные знания, верования и т. д.); ограничение «narrative» сближает предмет исследования с тем, что у нас обозначается термином «фольклор»; 2) слово «narrative» отграничивает данное общество от международного объединения фольклористов-музыковедов («International folk music council»).

поручено срочно сформировать новый организационный комитет и заново начать подготовку к конгрессу. Следует признать, что это удалось осуществить не только в короткий срок, но и образцово. В марте 1973 г. был разослан первый циркуляр с рекомендацией оргкомитетом проблематикой. Я упоминаю об этом и хочу привести список первоначально рекомендованных проблем, так как мне кажется весьма показательным, что в дальнейшем, под влиянием более чем трехсот заявок на доклады, проблематика конгресса претерпела существенные изменения. Предложенные участниками доклады, несомненно, отражают наиболее дискуссионные проблемы современной фольклористики и общее направление современных исследований, их соотношение с традиционными темами предшествующих конгрессов. Весьма характерно, что различие существующих школ и направлений в современной фольклористике едва ли не в большей степени отражается в ответах на возникающие вопросы, чем в специфическом круге рассматриваемых тем.

Оргкомитет предварительно рекомендовал следующие проблемы: «1. Таксономия повествовательного фольклора; а) в применении к полевой работе; б) в архивном деле и систематизации — указатели типов, классификация и применение вычислительных машин; в) в исследовании фольклора: анализ жанров, анализ источников. 2. Соотношение фольклора с обществом, культурой и мироощущением человека; а) глубинные исследования фольклора — работа над индивидуальными случаями, тесно соприкасающимися общинами и субкультурами; б) распространение повествовательного фольклора — взаимодействие с другими жанрами, так называемые „booklore“ и „masslore“; в) экология традиций — ареальные сравнения, ойкипизация. 3. Современные тенденции в методологии фольклора; а) структурные методы изучения повествовательного фольклора; б) количественный анализ фольклора; в) теория коммуникации и фольклор». Как увидим, большинство этих проблем не осталось в окончательной повестке дня конгресса.

В результате анализа поступивших докладов Оргкомитет выделил для пленарных заседаний четыре наиболее актуальных проблемы, назначив на каждое заседание по два докладчика из различных стран и по два официальных комментатора, которые должны были начинать дискуссию.

За несколько месяцев до конгресса его будущие участники получили книгу тезисов («Abstracts, VI Congress of the ISFNR», Helsinki, 1974) и в апреле-мае 1974 г. тексты некоторых докладов. Тексты остальных докладов распространялись в дни конгресса.

Первое пленарное заседание (16 июня) открылось приветственными речами председателя оргкомитета конгресса Ю. Пентикяйнена (Финляндия) и президента Общества К. Ранке (ФРГ). За ними последовали доклады по общей теории фольклорных жанров Р. Абрахамса (США) и Л. Хонко (Финляндия) и выступления комментаторов, открывавших прения — Р. Аустерлица (США) и Р. Шенды (ФРГ). Еще во вступительном слове Ю. Пентикяйнена сформулировал весьма важный для современной фольклористики тезис: «Фольклористика стремится дополнить изучение текстов рассмотрением связанных с ними коммуникативных проблем в их современном понимании». Характерно, что в названных докладах и в докладах, прочитанных на секционных заседаниях (Р. Аустерлиц, Б. Бен-Амос, В. Фойт и др.), теория жанров рассматривалась в тесной связи с основной проблемой третьего пленарного заседания, обозначенной словосочетанием, до сих пор малоупотребительным в советской фольклористике «Трансмиссия фольклора» (имеется в виду механизм передачи традиции или ее функционирование). Жанр в этой связи выступает не как формально-классификационная категория, а как созданная традицией устойчивая форма, способная воплотить в себе исторически динамичное содержание. Текст в таком случае предстает не как самодовлеющая синхронная структура, а как результат состоявшейся коммуникации — акта общения исполнителя и слушателя (зрителя).

В докладе Л. Хонко был поставлен вопрос о тенденциях развития методики фольклористики в современных условиях. Фольклористика стоит, по мнению докладчика, перед альтернативой. Если она будет ориентироваться только на привычный ей традиционный материал, она превратится в науку, интересующуюся только историческими проблемами. Современность же требует, чтобы фольклористы широко и без предвзятых исследований весь круг проблем речевой коммуникации в ее устойчивых (т. е. типичных, неразрывных) и «крупных» (т. е. сверхфразовых) формах. Если это удастся, проблема жанров перестанет быть проблемой терминологической и классификационной, она окажется тесно связанной с современными аспектами теории речевого поведения.

Дискуссия о проблеме трансмиссии фольклора была продолжена на третьем пленарном заседании. Докладчиками на нем выступали Р. Джорджис и К. В. Чистов, комментаторами — М. Бошковиц-Студли и В. Фойт. Р. Джорджис говорил о необходимости сочетания изучения текста и условий его произнесения как целостной структуры и как звена единой цепи трансмиссии фольклора. Если же говорить о современности, то процесс функционирования текстов столь же интересен, как и сами тексты. Фольклористов постоянно преследует вопрос, что и как в современном обществе выполняет те функции, которые в прошлом были присущи произведениям фольклора.

В докладе К. В. Чистова вслед за анализом различий коммуникативного акта в фольклоре и литературе («контактный» или «естественный» тип и тип «технический») рассматривались особенности эстетической коммуникации и были предложены некоторые методы анализа коммуникативных ситуаций в фольклоре в связи с проблемой жанрообразования, теорией речевого поведения и так называемой теорией «малых групп».

На втором пленарном заседании обсуждались состояние и перспективы методики структурализма в фольклористике. К сожалению, доклад Е. М. Мелетинского не состоялся, однако текст подготовленного доклада, распространенный среди участников конгресса, учитывался в ходе дискуссии. Основная его тема — перспективы и пределы применения методов структурного анализа в фольклористике, соотношение синхронии и диахронии, структурной и исторической типологии и фольклорных текстов². Е. М. Мелетинский показал, что изучение структур фольклорных текстов не только не противоречит генетическим и историческим исследованиям, но может быть и должно быть с ними тесно связано.

А. Дандис в докладе «Структурализм и фольклор» напомнил о двух важнейших направлениях современной структуральной фольклористики, начало которым положили В. Я. Пропп (анализ структуры текста) и К. Леви-Стросс (анализ структуры мышления). Современный структурализм, по мнению докладчика, постоянно сталкивается с тремя сложными проблемами: а) определение минимальной структурной единицы, из которых состоит любая повествовательная структура; б) понимание природы подобных минимальных единиц — являются ли они реальностью или абстракцией, т. е. гипотетической конструкцией, созданной воображением исследователя («божественная истина или фокус — покус?»); в) ощущает ли рассказчик (исполнитель) структуру рассказа (сказки, предания, эпической песни, баллады и т. д.)? К. Леви-Стросс на последний вопрос отвечает отрицательно. Этот ошибочный ответ, по мнению А. Дандиса, долгое время мешал изучать тексты как результат деятельности человека и, следовательно, изучать самого человека. Популярность структурализма, опирающегося на этот тезис К. Леви-Стросса, привела к тому, что, как сформулировал А. Дандис, «изучается не *folklore*, а только *lore*, а *folk* предается забвению», или, иными словами, — фольклор изучается не как результат деятельности народа, а как некая сумма текстов, существующая вне социальной среды и истории. Отсюда вывод — фольклористический анализ должен иметь в виду рассказчика и его слушателя и попытаться понять, что означает текст как для первого, так и для второго. Обсуждение проблем, намеченных А. Дандисом, было продолжено в выступлениях У. Дробина (Швеция), и П. Лейно (Финляндия) и в докладах на секционных заседаниях (Б. Бэбкок-Абрахамс, М. Я. Чиковани, Т. Чубелич, А. Балабола и др.).

Четвертое пленарное заседание было посвящено проблеме «Традиция и личность». С докладом «Индивидуальность и традиция» выступила Э. К. Маранда (Канада). Ю. Пентикяйнен прочитал доклад на тему «Анализ репертуара». Комментаторами были Д. Лег (США) и В. Ньювел (Англия). Фольклористика XIX в., как показали докладчики, рассматривала фольклорного исполнителя прежде всего как носителя традиции и в верности традиции видела его основную ценность. Современная же фольклористика стоит перед альтернативой — личность и ее активность или традиция как способ социального контроля над индивидуальным поведением, способ навязывания индивидуальности определенной роли в соответствии с ее социальным статусом. Эти проблемы обсуждались на конгрессе в связи с достижениями современной социологии и социальной психологии. Нельзя не заметить, вместе с тем, что большинству выступавших в дискуссии остались неизвестны работы русских фольклористов, поставивших эту проблему еще в 60—70-х гг. прошлого века. Недаром работы, опубликованные до А. Лорда и К. Хайдинга, как правило, не упоминались.

Ежедневно во второй половине дня проходили секционные заседания, причем параллельно работали три секции. Темы секционных заседаний — «Взаимоотношение жанров», «Жанровый анализ», «Проблемы повествовательных структур», «Социально-психологические аспекты фольклористики», «Фольклорная проза и обряды», «Репертуар исполнителей», «Религиозные аспекты изучения фольклорной прозы», «Традиция и социальные группы», «Количественные методы в фольклористике», «Применение компьютеров», «Фольклор в книжных изданиях». На секционных заседаниях выступали с докладами советские фольклористы: В. К. Соколова («Взаимоотношение исторических преданий с другими фольклорными жанрами»), М. Я. Чиковани («Тенденция к разбуханию структуры народных сказок») и У. Б. Далгат («Мифологическое, эпическое и историческое в эстетической системе нартского эпоса»).

В целом доклады и прения на конгрессе произвели весьма пестрое впечатление. Наряду с традиционными проблемами и методами во многих докладах было продемонстрировано стремление к методическому поиску и к учету достижений смежных наук (лингвистики, социологии, социальной психологии и т. д.). Думается, что это не случайно. Современная западноевропейская и американская фольклористика переживает сложный период, который характеризуется множественностью направлений.

Примечательно, что словосочетание «финская школа в фольклористике», несмотря на то, что конгресс происходил в Финляндии, произносилось главным образом в связи с давними исследованиями. Одновременно выявилось стремление обозначать термином «неофольклористика» («*new folkloristics*») совокупность довольно разнородных направ-

² E. Meletinski, *Perspectives et limites de l'étude structural de folklore*. Helsinki, 1974; его же, Структурная и историческая типология фольклора, «*Philologica*. Сб. статей в память ак. В. М. Жирмунского», М., 1973; его же, Структурная типология и фольклор. «Контекст—1973. Литературно-теоретические исследования», М., 1974.

лений, рождающихся на стыке собственно фольклористики с лингвистическим структуриализмом, семиотикой, так называемой порождающей грамматикой, паралингвистикой, теорией речевого поведения и коммуникации, парапсихологией, теорией малых социальных групп и т. д. Привьется ли этот термин и выплывет ли из столь разнородного конгломерата нечто целое, способное в единой концепции охватить новые проблемы — покажет будущее. Пока мы можем говорить только об активности поиска, остроте проблем, стремлении к демократическому пониманию социальных задач науки, их историческому истолкованию и, вместе с тем, о продолжающемся осмыслении роли фольклора и фольклористики в современных условиях. Характерно, что современное развитие столь разных аспектов фольклористики, как теория жанров, трансмиссия фольклора, взаимодействие исполнителя и традиции, выявление структурных закономерностей фольклорных текстов и т. п., как было показано выше, в равной степени ведет представителей разных направлений к социальным и социально-психологическим проблемам, к «очеловеченному», если можно так выразиться, пониманию фольклорного текста как коммуникативного акта в определенной социальной среде. Этому же способствует и изучение современного фольклора и близких к фольклору форм речевой коммуникации, схожих по своему составу и происхождению; эта сфера объединена основным функциональным признаком — устным бытованием.

Нельзя не отметить возрастающий интерес к советской фольклористике. Делегации Советского Союза приходилось отвечать на множество вопросов и рассказывать о работах В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Г. Д. Пярмякова, об экспедиционной деятельности наших фольклористов, о состоянии фольклорных архивов и т. д.

Примечательной чертой конгресса была значительная активность североамериканских (43 участника) и западногерманских (25 участников) фольклористов.

19 и 21 июня делегаты конгресса участвовали в двух симпозиумах — по проблемам изучения пословиц и поговорок и о перспективах создания нового международного указателя мотивов («Motif-Index»).

Как обычно, в дни конгресса было организовано общее собрание членов Общества. После доклада президента К. Ранке состоялись выборы президиума. В связи с просьбой К. Ранке освободить его от обязанности президента, которую он исполнял с 1959 г., он был избран почетным президентом Общества. Новым президентом стал проф. Л. Хонко — директор Северного института фольклора при Университете в Турку. Вице-президентами были избраны: от Африки — А. Балабола, от Южной Америки — С. Чергруд, от Европы — К. В. Чистов, от Северной Америки — А. Дандис, от Австралии и Океании — К. Луомала, от Азии — Т. Озава. Следующий конгресс намечено провести в Эдинбурге (Шотландия) в 1979 г. Прием новых членов поручен комиссии под председательством К. Луомала (Гавайи, США). К 1974 г. в Обществе состояло 252 члена.

18 июня 1974 г. участники конгресса побывали в г. Турку, где познакомились с деятельностью названного выше фольклорного института. Особенный интерес слушателей вызвало сообщение А. Каллио о современных советско-финляндских исследованиях обрядовых причитаний финно-угорских народов.

21 июня делегаты конгресса посетили Сеурасаари (финский этнографический музей на открытом воздухе), где наблюдали празднество Ивановой ночи.

К. В. Чистов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1 по 31 июля 1974 года в Белорусском Полесье работала этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ. В состав экспедиции входили также сотрудники Института языкознания АН БССР, Житомирского и Мозырского пединститутов. Руководил экспедицией Н. И. Толстой.

Настоящая экспедиция явилась продолжением полевых работ, проводившихся в 1962—1965 гг. Исследования предпола-

гали тесное сближение лингвистической и этнографической проблематики. На первом этапе был составлен ряд словарей, отражающих терминологию материальной культуры полешуков: земледелия, строительства, ткачества, пчеловодства и т. д.¹ Новая серия исследований, начатых в этом году, намечает изучение духовной культуры Белорусского Полесья (терминология и

¹ См.: сборники «Полесье» и «Лексика Полесья», М., 1968, «Лексика Полесья ў прасторы і часе», Мінск, 1971.